

Н. В. ГОГОЛЬ

Письмо В. Г. Белинскому

<Конец июля – начало августа 1847 г. Остенде>

1

<С чего начать мой> ответ на ваше письмо? <Начну его с ваших же слов>: «Опомнитесь, вы стоите <на краю> бездны!» Как [далеко] вы сбились с прямого пути, в каком вывороченном виде стали перед вами вещи! В каком грубом, невежественном смысле приняли вы мою книгу! Как вы её истолковали! О, да внесут святые силы мир в вашу страждущую, измученную душ<у! Зачем вам> было переменять раз выбранную, мир<ную дорогу?> Что могло быть прекраснее, как показывать читателям красóты в твореньях наших писателей, возвышать их душу и силы до пониманья всего прекрасного, наслаждаться трепетом пробужденного в них сочувствия и таким образом прекр<асно> действовать на их души? Дорога эта привела бы вас к примиренью с жизнью, дорога эта заставила бы вас благословлять всё в природе. Что до политических событий, само собою умирилось бы общество, если бы примиренье было в духе тех, которые имеют влияние на общество. А теперь уста ваши дышат желчью и ненавистью. Зачем вам с вашей пылкой душою вдаваться в этот омут политический, в эти мутные события соврем<енности>, среди которой и твердая осмотрительная многосторонн<ость> теряется? Как же с вашим односторонним, пылким, как порох, умом, уже вспыхивающим прежде, чем ещё успели узнать, что истина, как вам не потеряться? Вы сгорите, как свечка, и других сожжёте. О, как сердце моё ноет [в эту минуту за вас!] Что, если и я виноват, что, если и мои сочинения послужили вам к заблуждению?

Но нет, как ни рассмотрю все прежние сочинения <мои>, вижу, что они не могл<и соблазнить вас. Как ни?> смотреть на них, в <них нет лжи некоторых?> современных произведений.

В каком странно<м заблуждении вы находитесь! Ваш светлый ум> отуманился. <В каком превратном> виде приняли вы см<ысл моих произведений.> В <н>их же есть мой ответ. Когда [я писал их, я бла-

гоговел пе] <ред> всем, перед <чем> человек должен благо<го>веть. Насмешки [и нелюбовь слышалась у меня] не над властью, не над коренными законами нашего государства, но над извращением, над уклоненьями, над неправильными толкованьями, над дурным <приложением их?..>, над струпом, который накопился, над <...> несвойственной ему жизнь<ю>. Нигде не было у меня насмешки над тем, что составляет основанье русского характера и его великие силы. Насмешка была только над мелочью, несвойственной его характеру. Моя ошибка в том, что я мало обнаружил русского человека, я не развергнул его, не обнажил до тех великих родников, которые хранятся в его душе. Но это нелегкое дело. Хотя я и больше вашего наблюдал за русским человеком, хотя мне мог помогать некоторый дар ясновиденья, но я не был ослеплен собой, глаза у меня были ясны. Я видел, что я ещё незрел для того, чтобы бороться с событиями выше тех, какие были доселе в моих сочинениях, и с характерами сильнейшими. Всё могло показаться преувеличенным и напряжённым. Так и случилось с этой моей книгой, на которую вы так напали. Вы взглянули на неё распаленными глазами, и всё вам представилось в ней в другом виде. Вы её не узнали. Не стану защищать мою книгу. Как отвечать на которое-нибудь из ваших обвинений, когда все они мимо? Я сам на неё напал и нападаю. Она была издана в торопливой поспешности, несвойственной моему характеру, рассудительному и осмотрительному. Но движение было честное. Никому я не хотел ею польстить или покадить. Я хотел ею только остановить несколько пылких голов, готовых закружиться и потеряться в этом омуте и беспорядке, в каком вдруг очутились все вещи мира. Я попал в излишества, но, говорю вам, я этого даже не заметил. Своекорыстных же целей я и прежде не имел, когда меня ещё несколько занимали соблазны мира, а тем бо<лее теперь>, когда пора подумать о смерти. Никакого не было у меня своекорыстного ум<ысла>. Ничего не хотел <я> ею выпр<ашивать>. [Это и не в моей натуре]. Есть прелесть в бедности. Вспомнили б вы по крайней мере, <что> у меня нет даже угла, и я стараюсь только о том, как бы ещё облегчить мой небольшой походный чемодан, чтоб легче было расставаться с [миром]. Вам следовало поудержаться клеймить меня теми обидными подозрениями, какими я бы не имел духа запятнать последнего мерзавца. Это вам <нужно> бы вспомнить. Вы извиняете себя гневным расположением духа. Но как же <в гневном расположении духа?> [вы решаетесь говорить] <о таких?> важных предметах и не видите, что вас ослепляет гневный?> ум и отнимает сп<окойствие...>

Как мне защищаться против ваших нападений, когда нападенья невпопад? Вам показались ложью слова мои государю, напоминающие ему о святости его званья и его высоких обязанностей. Вы называете

<их> лестью. Нет, каждому из нас следует напоминать, что званье его свято, и тем более госуд<арю>. Пусть вспомнит, как<ой> строгий ответ потре<буется> от него. Но если каждого из нас званье свято, то тем более званье того, кому достался трудный и страшный удел заботиться о мил<л>иона<х>. Зачем напоминать о святости званья? Да, мы должны даже друг другу напоминать о свя<тости на>ших обязанностях и званья. Без этого человек погрязнет в материальных чувствах. <Вы говорите?> кстати, будто я <спел> похвальную песнь нашему правительству. Я нигде не пел. Я сказ<ал> только, что правительство состоит из нас же. Мы выслуживаемся и составляем правительство. Если же правительство огромная шайка воров, или, вы думаете, этого не знает никто из русских? Рассмотрим пристально, отчего это? Не оттого ли эта сложность и чудовищное накопление прав, не оттого ли, что мы все кто в лес, кто по дрова? Один смотрит в Англию, другой в Пруссию, третий во Францию. Тот выезжает на одних началах, другой на других. Один сует государю тот проект, другой <иной, третий?> опять иной. Что ни человек, <то разные проекты и раз>ные мысли, что ни <город?>, то разные мысли и <проекты... Как же не> образоваться посреди <такой разладицы вор>ам и всевозможным <плутням и неспра>ведливостям, когда всякий <видит, что везде> завелись препятствия, всякий думает только о себе и о том, как бы себе запастись потеплей квартирку?.. Вы говорите, что спасенье России в европейской цивилизации. Но какое это беспредельное и безграничное слово. Хоть бы вы определили, что такое нужно разуметь под именем европейской цивили<зации>, которое бессмысленно повторяют все. Тут и фаланстерьен, и красный, и всякий, и все друг друга готовы съесть, и все носят такие разрушающие, такие уничтожающие начала, что уже даже трепещет в Европе всякая мыслящая голова и спрашивает невольно, где наша цивилизация? И стала европейская цивилизация призрак, который точно <никто> покуда не видел, и ежели <пытались ее> хватать руками, она рассы<пается>. И прогресс, он тоже был, пока о нем не дум<али, когда же?> стали ловить его, он и рассыпал<ся>.

Отчего вам показалось, что я спел тоже песнь нашему гнусному, как <вы> выражаетесь, духовенству? Неужели слово моё, что проповедник восточной церкви должен жизнью и делами проповедать. И отчего у вас такой дух ненависти? Я очень много знал дурных попов и могу вам рассказать множество смешных про них анекдотов, может быть больше, нежели вы. Но встречал зато и таких, которых святости жизни и подвигам я дивился, и видел, что они — создание нашей восточной церкви, а не западной. Итак, я вовсе не думал воздавать песнь духовенству, опозорившему нашу церковь, но духовенству, возвысившему нашу церковь.

Как всё это странно! Как странно моё положение, что я должен защищаться против тех нападений, которые все направлены не против меня и не против моей книги! Вы говорите, что вы прочли будто сто раз мою книгу, тогда как ваши же слова говорят, что вы её не читали ни разу. Гнев отуманил глаза ваши и ничего не дал вам увидеть в настоящем смысле. Блуждают кое-где блески правды посреди огромной кучи софизмов и необдуманых юношес<ких> увлечений. Но какое невежество блещет на всякой стра<нице>! Вы отделяете церковь от <Христа и> христианства, ту самую церковь, тех самых <...> пастырей, которые мученической <своей смертью> запечатлели истину всякого слова Христова, которые тысячами гибли под ножами и мечами убийц, молясь о них, и наконец утомили самих палачей, так что победители упали к ногам побежденных, и весь мир исповедал <это слово>. И этих самых пастырей, этих мучеников-епископов, вынесших на плечах святыню церкви, вы хотите отделить от Христа, называя их несправедливыми истолкователями Христа. Кто же, по-вашему, ближе и лучше может истолковать теперь Христа? Неужели нынешние ком<м>унисты и социалисты, [объясняющие, что Христос по]велел отнимать имущества и гра<бить> тех, [которые нажили себе состояние?] Опомнитесь! Волтера называ<ете> оказавшим услугу христианству и говорите, что это известно всякому ученику гимна<зии>. Да я, когда был ещё в гимназии, я и тогда не восхищался Волтером. У меня и тогда было настолько ума, чтоб видеть в Волтере ловкого остроумца, но далеко не глубокого человека. Волтером не могли восхищаться полные и зрелые умы, им восхищалась недоучившаяся молодежь. Волтер, несмотря на все блестящие замашки, остался тот же француз. О нём можно сказать то, что Пушкин говорит вообще о французе:

Француз — дитя:
Он так, шутя,
Разрушит трон
И даст закон;
И быстр, как взор,
И пуст, как вздор,
И удивит,
И насмешит¹.

<...Христос> нигде никому не говорит, <что нужно приобрета?>ть, а еще напротив и <настоятельно нам?> велит он уступать: <снимаю>щему с тебя одежду, <отдай последнюю> руб<ашку>, с прося<щим> тебя пройти с тобой <одно> поприще, пройди два. <Не>льзя, получа легкое журнальное образов<ание>, судить<ь> о таких предметах. Нужно для это<го> изучи<ть> историю церкви.

Нужно сызнава <прочи>тать с размышленьем всю историю <чело>вечества в источника<х, а не в нынешних> легких брошюрках, <написанных...?> бог весть кем. Эти <поверхностные энциклопеди>ческие сведения разбрасывают ум, а не сосред<от>очивают его. Что мне сказать вам на резкое замечание, будто русский мужик не склонен к религии и что, говоря о Боге, он чешет у себя другой рукой пониже спины, замечание, которое вы с такою самоуверенностью произносите, как будто век обращались с русским мужиком? Что тут <гово>рять, когда так красноречиво <говорят> тысячи церквей и монастырей, покрывающих <русскую землю>. Они строятся [не дарами] богатых, но бедны<ми> лептами неимущих, тем самым народом, о котором вы говорите, что он с неуваженьем отзывается о Боге, и который делится последней копейкой с бедным и Богом, терпит горькую нужду, о кото<рой знает каждый из нас?>, чтобы иметь возможность принести усерд<ное подаяние Богу?>. Нет, Виссарион Гр<игорьевич>, нельзя судить о русском народе тому, кто прожил век в Петербурге, в занятях лёгкими журнальными <статейками и романами> тех французских ро<манистов, которые> так пристрастны, <что не хотят видеть>, как из Евангелия исх<одит истина?>, и не замечают того, как уродливо и <пошло?> изображена у них жизнь. Теперь позвольте же ск<азать>, что я имею более пред вами [права заговорить] <о русском> народе. По крайней мере, все мои сочинения, по едино<душному> убежденью, показывают знание пр<ироды> русской, выдают человека, который был с народом наблюд<ателен и... стало> быть, уже имеет дар вход<ить в его жизнь>, о чём говорено <было> много, что подтвердили сами вы в ваших критиках. А что <вы предста>вите в доказательство вашего знания человеческой природы и русского народа, что вы произвели такого, в котором видно <это> зна<ние>? Предмет <этот> велик, и об этом бы я мог вам <написать> книги. Вы бы устыдились сами того грубого смысла, который вы придали советам моим помещику. Как эти советы ни обрезаны цензурой, но <в н>их нет протеста противу грамотности, <а> разве <лишь> протест против развращенья <народа русск>ого грамотою, наместо того, что грамота нам дана, чтоб стремить к высшему свету человека. Отзывы ваши о помещике вообще отзываются временами Фонвизина. С тех пор много, много изменилось в России, и теперь показалось многое другое. Что для крестьян выгоднее, правление одного помещика, уже довольно образованного, [который] воспитался и в университете и который всё же [стало быть, уже многое должен чувствовать] или <быть> под управлением <многих чиновнико>в, менее образованных, <корыстолюбив>ых и заботящихся о том <только, чтобы нажи>ться? Да и много <есть таких предмето>в, о которых следует <каждому из нас> подумать

заблаговременно, прежде <нежели с> пылкостью невоздержного рыцаря и юноши толковать об освобождении, чтобы это осво<божде>нье не было хуже рабства. Вообще у нас как-то более заботятся о перемене <назва>ний и имен. Не стыдно ли вам в умень<шительных име>нах наших, [которые даём] мы <...> [иногда и товарищам], в<иде>ть унижение <чел>овечества и признак варварства? Вот до каких ребяческих выводов доводит неверный взгляд на главный предмет...

Ещё меня изумила эта отважная самонадеянность, с которою вы говорите: «Я знаю об<щество> наше и дух его», и ручаетесь <в этом>. Как можно ручаться за этот ежеминутно меняющийся хамелеон? Какими данными вы можете удостоверить, что знаете общество? Где ваши средства к тому? Показали ли вы где-нибудь в сочиненьях своих, что вы глубокий ведатель души человека? Прошли ли вы опыт жиз<ни>? Живя почти без прикосновенья с людьми и светом, ведя мирную жизнь журнального сотрудника, во всегдашних занятия<х> фельетонными статьями, как вам иметь понятие об этом громадном страшилище, котор<ое нежи>данными явлениями <ловит нас> в ту ловушку, в ко<торую попадают> все молодые пи<сатели, рассуждающие> обо всем мире и человечестве, тогда как <довольно> забот нам и вокруг себя. Нужно <прежде всего> их исполнить, тогда общество <само> собою пойдёт хорошо. А если <пренебрежём> обязанности относительно лиц <близких и погони>мся за обществом, то <упустим и те и другие?> так же точно. Я встречал в последнее время много прекрасных л<юдей, которые> совершенно сбились. О<д>ни думают, [что] преобразованиями и реформами, обращением на такой и на другой лад можно поправить мир; другие думают, что посредством какой-то особенной, довольно посредствен<ной> литературы, которую вы называете беллетристической, можно подействовать на воспитание общества. Но благосостояние общества не приведут в лучшее состояние ни беспорядки, ни [пылкие головы]. Брожение внутри не исправить никаким конституциям. <...Общест>во образуется само собою, общес<тво> слагается из единиц. <Надобно, чтобы каждая едини>ца исполнила долж<ность свою.> <...> Нужно вспомнить человеку, <что> он вовсе не материальная скотина, <но вы>сокий гражданин высокого небесно<го гра>жданства. Покуда <он хоть ско>лько-нибудь не будет жить жизнью <неб>есного гражданина, до тех пор не <пр>идет в порядок и зе<мное> гражданство.

Вы говорите, что Россия д<олго и напрасно моли>лась. Нет, Россия м<олилась не напрасно. К>огда она молилась, то она спаса<лась. О>на помолилась в 1612, и спаслась от поляков; она помолилась в 1812, и спаслась от французов. Или это вы называете молитвою, что одна из сотни <молится>, а все прочие кутят, сломя голову, с утра до вечера на всяких зрелищах, заклады<вая> последнее свое имущество,

чтобы насладиться всеми комфорта<ми>, которыми наделила нас эта б<естолковая?> европейская цивилизация?

Нет, оставим п<одобные сом>нительные положения <и посмотрим на> себя [честно]. <Будем стара>ться, чтоб не зарыть в землю т<алант свой>. Будем отправлять по совести свое ремесл<о. Тогда> всё будет хорошо, и состоянье общества поправится само собою. В <этом> много значит государь. <Ему дана должн>ость, которая важ<на и> пре<выше?> всех<?>. С государя у нас все берут пример. Стоит только ему, не коверкая ничего, <править?> хорошо, так и всё пойдёт само собою. Почему знать, может быть, придет ему мысль жить в остальное время от дел скромно, в уединении, <в>дали от развращающего двора, <от> всего этого накопленья. И всё <обер>нется само собою просто. Сумасшедш<ую жизнь захотят?> бросить. Владельцы разъедутся по поместьям, станут заниматься делом. Чиновники увидят, что не нужно жить богато, перестанут красть. А честолюбец, увидя, что важные места не награждают ни деньгами, ни богатым жалованьем, <оставит службу. Оставь>те этот мир обнагл<евших?..>, который обмер, <для которого> ни вы, ни я не рождены. <Позвольте мне> напомнить прежние ваши <раб?>от<ы> и сочин<ен>ия. Позвольте мне <также> напомнить вам прежнюю вашу дорогу <...>. Литератор сущес<твует для другого>. Он должен служить искусству, <которое вносит в души мира высшую примиряющую <исти>ну, а не вражду, <лю>бовь к человеку, <а> не ожесточ<ение и> ненависть. <Возьмитесь снова> за своё поприще, с <которого вы удалились?> с легкомыслием юно<ши>. Начните <сызнова?> ученье. Примитесь за тех поэтов <и му>дрецов, которые воспитывают душу. Вы <сами> сознали, <что> журнальные занятия выветривают душу и что вы замечаете наконец пустоту в себе. <Это> и не может быть иначе. Вспомните, что вы учились кое-как, не кончили даже университетского курса². Вознаградите <это> чтеньем больших сочинений, а не сов<ременных> брошюр, писанных разгоряченным <умом>, совращающим с прямого взгляда.

Я точно отступаюсь <говорить?..> о таких предмет<ах, о кото<рых дано?> право говорить одн<ому тому, кто получил его в силу многоопыт<ной жизни>. Не м<оё дело говорить?> о Боге. Мне следовало <говорить не о Боге, а?> о том, что вокруг нас, что <должен изображать?> писатель, но так, чтобы <каждому?> самому захотелось бы заго<ворить?> о Боге <...>.

Хотя книга моя вовсе не исполнена той обдуманности, какую вы подозрева<ете>, напротив, она печатана впопыхах, в ней были даже письма, писан<ные> во время самого печатанья, хотя <в ней> есть действительно м<ного не>ясного и так, вер<оятно>, можно иное принять <...> но до такой степени <спутаться>, как спутались вы, принять

<всё> в та<ком> странном смысле! Только гневом, помрачившим ум и отуманившим <голову>, можно объяснить так<ое заблуждение...>.

Слова мои о грамотности вы приняли в буквальном, тесном смысле. Слова эти были сказаны помещику, у которого крестьяне земледельцы. Мне даже было смешно, когда из этих слов вы поняли, что я вооружался против грамо<тности>. Точно как будто бы об этом теперь вопрос, когда это вопрос, решенный уже давно нашими отцами. Отцы и деды наши, даже безграмотные, решили, что грамотно<сть> нужна. Не в этом дело. Мысль, которая проходит сквозь всю мою книгу, есть та, как просветить прежде грамотных, чем безграмотных, как просветить прежде тех, которые имеют близкие столкновения с народом, чем самый народ, всех этих мелких чиновников и власти, которые все грамотны и которые между тем много делают злоупотреблений. Поверьте, что для этих господ нужнее издавать те книги, которые, вы думаете, полезны для народа. Народ меньше испорчен, чем всё это грамотное население. Но издать книги для этих господ, которые бы открыли им тайну, как быть с народом и с подчиненными, которые им поручены, не в том обширном смысле, в котором повторяется слово: не крадь, соблюдай правду или: помни, что твои подчиненные люди такие же, как и ты, и тому <подобные>, но которые могли бы ему открыть, как именно не красть, и чтобы точно собл<юдалась> правда.

